

Григорий Романов

Жалоба

12+

Григорий Романов

Жалоба

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Романов Г. В.

Жалоба / Г. В. Романов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Марья Ивановна - одинокая пенсионерка 65-ти лет. Жизнь подходит к концу, считает она и ведет себя соответственно, изводя пустыми жалобами различные инстанции. Но, влюбившись в молодого чиновника, вновь обретает интерес к жизни и посещает новомодные мероприятия, делая из них свои выводы с учетом возраста и вспыхнувшей страсти. Одновременно Марья Ивановна пишет письмо возлюбленному, начинавшееся как жалоба на кражу иконы, а закончившееся как признание в любви, которому, как ей казалось, никогда не суждено быть отправленным. Что вышло в итоге - узнаете из романа.

ЖАЛОБА

У Марьи Ивановны случилось несчастье. А произошло все вот как:

С некоторого времени, она стала слышать у себя в квартире постоянный шум. Он был похож на тихий гул какого-то двигателя, постоянный и заунывный, он приглушался днем и усиливался ночью. Впрочем, возможно он был один и тот же, просто ночью, в тишине, его было лучше слышно.

Шум раздражал Марью Ивановну, отравлял ее сон, словом, доставлял ей жуткие неудобства. Версию о том, что этот шум существовал лишь в ее голове, я рассматривать не стану из уважения к почтенным сединам. С жалобой на непрошенного гостя, Марья Ивановна обратилась в жилконтору. Жилконтора откликнулась и прислал к ней на дом комиссию. Три пары ушей, чувствительных к шипению дерьма и пара, долго прислушивались к звенящей тишине в ее квартире. Грязной обувью они протоптали в принесенной ими же пыли беспорядочные дорожки, ведущие в разные помещения. Прослушав все: вентиляционные люки, вытяжку над плитой, компрессор холодильника, архаичный трансформатор под старым телевизором, комиссия не нашла никаких признаков заявленной Марьей Ивановной проблемы.

Оставив пенсионерку наедине со своим горем и актом об отсутствии посторонних шумов, они удалились, растоптав веру во всемогущество управдома.

Комиссия ушла, но проблема-то осталась. Марья Ивановна продолжила писать жалобы, на которые жилконтора реагировала уже не так живо.

В какой-то момент, однако, над несчастной женщиной сжалились и прислали ей почему-то... сантехника Леонида. Почему именно сантехника? Да кто его знает. С таким же успехом могли прислать дворника или антенщика. Но, вот так уж случилось, пришел Леня. Леонид, для приличия, тоже послушал тишину волосатым ухом, ничего не уловил, но из внутреннего такта не стал категорически отрицать наличие злобных шумов, отделавшись каким-то невнятным бурчанием, скорее всего, нецензурным. Раз уж так получилось, и в гости к Марье Ивановне заглянул слесарь, она пожаловалась ему на текущий в кухне старый латунный кран, предположив необходимость замены резиновой прокладки. Леня быстро и радикально решил проблему, заменив текущий кран на новый, блестящий и симпатичный, старый прихватив с собой.

Но, как ни была Марья Ивановна далека от сантехнических познаний, она сразу догадалась о неравноценности произведенного обмена. Прежний кран, хоть и был старым, прослужил бы еще лет тридцать. Новый же, хоть и сиял задорным блеском, был сделан из сплава дешевой и скудных минеральных ресурсов Китая.

Но, это еще полбеды, и шут бы с ним, с этим краном. Трагедия заключалась в том, что после ухода Леонида, Марья Ивановна не обнаружила на месте свою икону с изображением Николая Чудотворца. Правда, это была не совсем икона. В советские времена, когда церковная тема была не в почете, это изображение Мария Ивановна вырезала из журнала, где он оказался по какой-то случайности. С тех пор, она, что называется, прикипела сердцем к этому образу. Иногда, глядя на святого, она просила у него поддержки в каких-то своих делах, а тот, со своей стороны, редко ей отказывал.

Первым делом, Марья Ивановна отправилась в жилконтору, где прямо предъявила свои претензии Леониду. Но в этот раз, Леня уже не проявил такта и практически послал Марию Ивановну на три веселых буквы. Ленино начальство тоже развело руками, заявив, что кражи находятся за пределами их компетенции. Легко вернуть милый образ на место не получилось.

Кстати об иконе, точнее, ее пропаже: конечно, Леонид ее не крал. Не подозревая о сверхценности журнальной страницы, он завернул в нее латунный кран, так удачно скрученный им у незадачливой пенсионерки. Сверток Леня положил в карман спецовки и благополучно о нем забыл.

Будучи человеком не злым, узнав о страданиях Марьи Ивановны, он безусловно вернул бы листок, разгладив его предварительно жилистой рукой. Но огульное обвинение в воровстве, предъявленное Марьей Ивановной в таком тоне, будто он тупой стамеской отковырял Сикстинскую Мадонну, ожесточило его сердце. После такой несправедливости о возврате не могло быть и речи.

По совету юриста жилконторы, где давно грезил о перенаправлении ее энергии в какое-нибудь другое русло, Марья Ивановна написала заявление в полицию. Через несколько дней, к ней домой пришел заспанный участковый. Он лениво выслушал историю, записал ее протокольным языком и ушел, оставив после себя запах пота, оружейного масла и колпачок от ручки.

Через неделю Марья Ивановна нашла в почтовом ящике конверт, в котором лежало постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Нестройными фразами, с ошибками и помарками ей сообщалось, что в краже ее реликвии невозможно усмотреть какое-либо преступление. В конце, почему-то, значилось, что преступления нет в действиях некоего Рыжова В. А, ударившего по лицу Рыжову В. П. Не сразу, но Марья Ивановна догадалась, что этот эпизод, по ошибке, перескочил в ее постановление из какой-то другой душещипательной истории.

Получив это оскорбительное послание, Марья Ивановна и не догадывалась, как ей повезло. Обычно полиция, в подобных случаях, вообще не утруждала себя ответами.

Не удовлетворившись досадным отказом, Марья Ивановна вступила в бумажную баталию. По восходящей иерархии, она пожаловалась во все правоохранительные инстанции, районному и областному депутату, Уполномоченному по правам человека, руководителю Антикоррупционного комитета, в Ассоциацию юристов России и даже, в Комитет по защите прав потребителей.

Но в пику Доброй машине правды, учрежденной одним оппозиционером, система сработала в отношении Марьи Ивановны как Злая машина неправды. В казенных фразах все отказались участвовать в решении ее проблемы. Справедливости ради надо сказать, что на этот раз, система, хоть и в обычной своей бездушной манере, сообщила Марье Ивановне чистую правду, не усмотрев криминала в пропаже журнального листка.

Не сказать, что б Марья Ивановна была человеком, выжившим из ума. Конечно, она понимала, что материальной ценности ее пропажа не представляет. Но что ж с того? Мало ли в любом доме вещей, не представляющих из себя ценности! Так и что теперь, любой может тащить эти вещи безнаказанно? Логика, вроде бы, есть. Да только, не один из кодексов логики этой не разделяет. А на нет, как известно, и суда нет.

Потерпев неудачу в переписке с черствыми чиновниками, Марья Ивановна захандрила. Без Святого Николая жизнь ее стала какой-то ущербной. Она стала еще хуже спать. По ночам ей стал сниться Угодник, который ничего не говорил, но с укоризной смотрел на нее. До пропажи она и не подозревала, какое большое место религиозность занимала в ее жизни.

Измученная утратой и бессилием, Марья Ивановна начала анализировать причины своих неудач и решила, что их корень в неумении писать жалобы. Учиться этому было уже поздно, да и не у кого.

Произошло и еще кое-что, вызвавшее у Марьи Ивановны одно трудно объяснимое желание. Но, дабы не портить интригу, описание этого «кое-чего», оставлю на потом. Пока же скажу, что для написания очередной жалобы, Марья Ивановна решила обратиться к профессионалу. Благо, профессионал снимал офис через дом от нее, о чем строго извещала вывеска, заказанная в дорогой мастерской на манер тех, что висят у входа в госучреждения. Звали профессионала Павел Павлович Юрков.

Это был молодой юрист, недавно закончивший университет и успевший два года поработать в одной из государственных структур. За эти два года он разочаровался в госслужбе и принял решение открыть свой юридический бизнес. Очень смелое решение для такого молодого человека, за которое он уже достоин всяческого уважения. Звучные имя и отчество пока

не очень шли к его внешности. Обращение Пал-Палыч в его адрес еще произносилось с каким-то внутренним диссонансом. Скорее, его хотелось назвать Павликом и потрепать при этом по голове.

Находясь в начале своего профессионального пути, Пал-Палыч пока еще не приобрел того бессовестного и вальяжного цинизма, на который, как мухи на мед, слетаются соискатели правосудия с толстыми кошельками. Он еще только нащупывал свой путь в юриспруденции, и благодарные доверители пока не выстраивались в очередь перед его офисом. В этой связи у него было много свободного времени и мало наличных денег – идеальное сочетание для дерзаний и личностного роста молодого специалиста.

Пал-Палыч находился в той прекрасной поре профессионального развития, когда люди уже не пугают, но еще не бесят, законы уже не кажутся истиной в последней инстанции, но и не воспринимаются как чушь, постановленная бесконечно далекими от жизни законотворцами, деньги еще не текут рекой, но на жизнь уже хватает.

Несмотря на молодость, он уже начал понимать, что форма в его работе превалирует над содержанием. Поэтому Пал-Палыч, имея стопроцентное зрение, завел себе очки в тонкой роговой оправе. А сидя целыми днями в офисе один, все равно каждый день надевал серый костюм с отливом, безупречно наглаженную рубашку и дорогой галстук от Рокко-Барокко. Словом, пристально следил за своим реноме, будучи всегда во всеоружии на случай появления важного клиента.

Сегодня он никого особо не ждал и был занят перестановкой немногочисленных канцелярских принадлежностей на письменном столе, то ли по Фэн-Шую, то ли еще по какой-то системе. За этим занятием его и застала Марья Ивановна. Это был удачный случай, когда готовый слушать и слышать специалист встретился с жаждущим излить свою боль клиентом.

Усадив гостью за стол, Пал-Палыч стал внимать ее рассказу. Марья Ивановна начала с самых первых выстрелов «Авроры», не скупясь на подробности.

Слушая о шуме в ее квартире, Пал-Палыч заподозрил, что перед ним не совсем здоровый человек. В какой-то момент он даже чуть не зевнул. Но, услышав о похищенной иконе Николая Чудотворца, нараставшее равнодушие сменилось живым интересом. Как любой человек, услышавший это словосочетание, Пал-Палыч представил себе старую доску с почерневшим ликом в золотом окладе, доставшуюся от какой-нибудь прапрабабки, и стоящую кучу денег.

Предвкушая стОящее дело, Пал-Палыч начал осторожно выяснять подробности. Мельком он даже вообразил, как встав за трибуну, гневно обличает в суде бесстыдного святотатца, посмевшего посягнуть на святыню несчастной старушки.

Но, дальнейшие расспросы захлопнули перед ним это окно возможностей. Выяснилось, что эпизод с кражей святого лика по своему пафосу ничем не отличается от назойливого шума в квартире Марьи Ивановны. В уме Пал-Палыч уже прикидывал, как закончить затянувшееся общение и выпроводить надоедливую клиентку восвояси.

Но, тут Марья Иванова огорошила Пал-Палыча совершенно неожиданной и не влазющей ни в какие ворота просьбой. Закончив длинный рассказ о своих мытарствах, она попросила его составить жалобу в... Комитет по земельным ресурсам Администрации города В-да.

Сначала, Пал-Палыч подумал, что ослышался и попросил Марью Ивановну повторить название адресата. Но, Марья Ивановна уверенно повторила название организации.

Как специалист, Пал-Палыч относился к своей работе творчески и с энтузиазмом. Он уже, в некоторой степени, выработал свой деловой стиль письма и, при написании исков и жалоб, уже довольно успешно научился сочетать в них несочетаемое и притягивать за уши самые несуразные аргументы. Но здесь его фантазия оказалась бессильной. Как не атаковал он пытливым умом поставленную задачу, даже близко ее решение не вырисовывалось в его мозгу.

Битый час Пал-Палыч объяснял Марье Ивановне, что указанное ею ведомство никаким боком не причастно к расследованию хищения святого лика. Марья Ивановна поддакивала,

смотрела на специалиста с уважением, благословляла родителей, воспитавших такого умного и внимательного сына, но от своей просьбы не отступала.

Пал-Палыч начал раздражаться и даже хотел сказать Марье Ивановне какую-нибудь дерзость, чтобы закончить пустой разговор. Но, тут его посетила простая мысль: ведь он юрист, и писать жалобы – его профессиональная обязанность. А перед ним клиент, который, как известно, всегда прав.

Из этого несложного силлогизма выходило, что ему просто нужно исполнить, так сказать, свой долг. Земельный комитет, так земельный комитет. К тому же расценку за составление жалоб никто пока не отменял. А для него каждый рубль был очень кстати, затыкая в карманах многочисленные дыры, проеденные дорогостоящими увлечениями молодости, которые, хоть и поутихли к его двадцати пяти годам, но еще не собирались отступать окончательно.

Пообещав помочь и проводив Марью Ивановну, Пал-Палыч сел сочинять жалобу, размышляя при этом, что могло подтолкнуть бабулю обратиться именно в земельный комитет:

Может быть, все дело в земле, на которой все живет и вертится? ...Нет, слишком обще. Нас же не судят по Воздушному Кодексу из-за того, что атмосфера окружает общество со всех сторон. А может, слово «земельный», это подсознательная отсылка к земствам на Руси, когда-то решавшим все местные вопросы? Тоже, навряд ли. Марья Ивановна не настолько стара, что бы застать земства.

Вдохновение пару раз все-таки сошло на Пал-Палыча, и он написал несколько удачных, как показалось, фраз. Но, почувствовав усталость от непривычного занятия, он решил отложить дальнейшее творчество на завтра. Утро действительно оказалось мудренее вечера: перечитав наметки жалобы, Пал-Палыч понял, что это уж слишком натянуто и никуда не годится.

С одной стороны, Пал-Палыч знал, что жалоба выйдет в свет за подписью Марьи Ивановны, и он в ней, вроде как, фигурировать не будет. С другой стороны, зная о бесконечной длине женского языка, Пал-Палыч понимал, что его имя обязательно всплывет в связи с написанным им интеллектуальным продуктом. Пал-Палыч, как было сказано ранее, старательно формировал свою репутацию и прослыть идиотом, да еще в глазах почтенного муниципального органа, не входило в его планы.

Простое и правильное решение пришло к нему как всегда неожиданно: что если написать обычное заявление о краже, но в «шапке», вместо правоохранительного ведомства, проставить искомый земельный комитет! Эта мысль порадовала его своей здравостью. Гораздо лучше, в случае чего, быть обвиненным в невнимательности при копипасте, чем прославиться как идейный защитник городских сумасшедших.

В итоге Пал-Палыч написал:

«Председателю Комитета по земельным ресурсам

Администрации города В-да

Г-ну Ковалеву В. К.

от Солодовниковой М. И,

проживающей там-то

ЖАЛОБА

Об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ предупреждена _____ Солодовникова М. И.

Прошу Вас провести процессуальную проверку в порядке ст. 144 УПК РФ и привлечь к уголовной ответственности неизвестное лицо, которое, в такое-то время, похитило принадлежащую мне икону Святого Николая Чудотворца.

Указанная икона исторической и культурной ценности не имеет, но дорога мне, как одинокому и религиозному человеку. В связи с этим считаю причиненный мне моральный ущерб значительным и влекущим за собой соответствующую квалификацию совершенного хищения.

В краже я подозреваю Федюнина Леонида Петрович, слесаря-сантехника жилконторы «Напрасный труд», поскольку он приходил ко мне домой по служебной необходимости в день кражи и мел возможность совершить данное преступление.

Случайную утерю иконы категорически исключаю, как и причастность к краже каких-либо иных лиц.

О результатах рассмотрения жалобы прошу сообщить мне письменно, в установленный законом срок.

Число.

С уважением,

Солодовникова М. И.»

Быстро закончив работу, казавшуюся неподъемной, Пал-Палыч вздохнул с облегчением и позвонил Марье Ивановне, сообщив, что жалоба готова.

Через час Марья Ивановна уже сидела перед ним и читала свежесоставленный документ. Общее впечатление от работы Пал-Палыча у нее было положительное, но возник и ряд вопросов.

Первым ей не понравилось упоминание о заведомо ложном доносе, но Пал-Палыч убедил ее, что это необходимая формальность и избежать декларации о собственной добропорядочности не получится.

Дальше начались смысловые претензии. Хотя, претензии, это, наверное, громко сказано, – пожелания по ходу изложения. После длительного обсуждения и согласования, из жалобы исчезло упоминание о неизвестном лице, обвинения в адрес Леонида стали более персональными. Было усилено место о ценности похищенного и о принесенных кражей страданиях. Плюс, появилась фраза, которую Пал-Палыч настойчиво отбраковывал, но в итоге сдался:

«Зная Вас, как человека неравнодушного, искренне надеюсь на Вашу человечность, отзывчивость и порядочность. Искренне Ваша, М. В.»

В таком виде жалоба была передана Марье Ивановне и она, расставшись с оговоренной суммой, с благодарностями удалилась.

Через два дня, Марья Ивановна снова пришла к Пал-Палычу и попросила расписать окончание жалобы с перечислением человеческих достоинств председателя земельного комитета. Пал-Палыч, и так считавший эту фразу абсолютно лишней, съерничал, спросив:

– Может, написать: «Как человека, склонного к эмпатии»?

Слово «эмпатия» Марье Ивановне было незнакомо, а спросить она постеснялась. Сошлись на том, чтобы оставить все, как есть.

Еще через три дня, Марья Ивановна опять пришла к Пал-Палычу и попросила напечатать текст жалобы с большими пробелами, чтобы она могла сама добавлять нужные фразы. Пал-Палыч исполнил просьбу, махнув рукой на содержание и мечтая лишь о том, чтобы надоедливая жалобщица от него уже отстала.

Получив прореженный текст, Марья Ивановна ушла и больше у Пал-Палыча не появлялась.

Однако пришла пора узнать, отчего Марья Ивановна так прицепилась к земельному комитету.

В связи с проводимой земельной реформой, по местному телевидению прошел пространный сюжет о том, как именно эта реформа пройдет в городе В-де. Щедро оплаченный бюджетом ролик, кроме ног спешащих куда-то прохожих, не подозревающих, что их снимают, и прочих уловок провинциального телевидения, призванных создать ощущение злободневности поднятой темы, содержал интервью с председателем Комитета по земельным отношениям городской Администрации Виктора Константиновича Ковалева.

В этом Викторе Константиновиче и было все дело.

Тощий корреспондент, учившийся профессии по субботам, в частной школе телеведущих, быстро уступил инициативу вальяжному чиновнику, который, кроме освещения заявленной проблемы, постоянно отвлекался на общечеловеческие темы, выказывая себя при этом человеком образованным (коим он, безусловно, был) и неравнодушным.

Причина этого внеформатного общения была в том, что Виктор Константинович, может быть еще не осознанно, перерос простого назначенца и вышел на тот уровень, когда можно смело пойти на выборы, честно посмотреть в глаза избирателю и по праву соискать высокую выборную должность (подходящая партийность у него тоже, разумеется, имелась).

Умничая на бурные земельные темы, он уже чувствовал себя над всем этим, ощущал потребность пофилософствовать, побыть над схваткой, так сказать, не копать вглубь, а размахнуться вширь.

В отличие от типичных чиновников, жестко привязанных к властным трендам, готовых, как сказали бы раньше, безоговорочно колебаться с линией партии, меняющих свои взгляды от готовности захоронить фашистов на святой земле, до решимости прокатить по ветхой площади в День Победы двухсоттонную ракетную установку; в отличие от политических флюгеров, готовых всякий раз поклясться всему миру и самим себе, что новая идеология всегда была им мила, а старая всегда постыла, Виктор Константинович позволял себе некий внутренний плюрализм – верный признак будущего большого политика. Нет, не подумайте, где надо, он не хуже других чувствовал тренды и колебался вместе с генеральной линией. Но никогда не впускал это мракобесие дальше задворков своей личности.

В разных уголках своей души он был и сталинистом, и монархистом, и православным и неоязычником. Мог легко сделать реверанс в сторону коммунистических времен, но напомнить о недопустимости бесчеловечного ГУЛАГа; признать роль личности в истории и даже ее пресловутого культа, но посетовать на невозможность отдыха советских граждан в турецких отелях; похвалить героических чекистов, но поругать кровавую ЧК, как будто слово «чекист» происходило не от этой грозной аббревиатуры; восхититься достижениями советских пятилеток, но напомнить 1913 год, когда корова стоила шесть рублей.

Подобно японской культуре, впитавшей в себя все на свете, разнонаправленные теории и доктрины органично разместились в его сознании и затыкали там те моральные дыры и прорехи, сквозь которые, у менее образованных людей, могла бы пробиться совесть.

Придя на госслужбу по небольшой протекции, Виктор Константинович дальше уже в ней не нуждался, легко оттолкнувшись от чужих голов и постелей, он преодолел ряд должностных назначений и занял место председателя земельного комитета – очень, к слову, приличное. И было очевидно, что на пути вверх, следы его ног останутся еще не на одном черепе.

У Виктора Константиновича было три высших образования, два из которых он получил без усилий, приложениями к высокой должности. Одно время он даже подумывал о защите ученой степени, но потом интерес подугас.

Фасад же его представлял из себя идеальный монолит. Глядя на Виктора Константиновича, умиленные граждане: от разорившегося бизнесмена до пенсионерки с тощим кошельком, от вороватого чиновника до сонного охранника в супермаркете, – все ощущали отеческую заботу власти о себе и дивились, что ж за святые пекутся о них в Москве, если здесь, на уровне субъекта, об их счастье заботится столь блестящий человек.

Сама Марья Ивановна была одинокой пенсионеркой шестидесяти пяти лет. Еще немного, и будет двойной возраст Христа, думала она часто про себя.

Она давно была в разводе, детей у Марьи Ивановны не было. Не было и близких родственников, даже друзья куда-то растворились после выхода на пенсию. Дни ее текли размерено, не поражая яркостью происходящих событий. Лишенная общения и все дальше отставая от несущейся вперед жизни, Марья Ивановна стала обзаводиться глухим непониманием молодежи, к коей она причисляла всех, кому не было пятидесяти.

Давно прошел шок, когда ее впервые называли бабулей, когда гибкая девчонка-студентка проворно уступила ей место в трамвае, а долговязый парень с планшетом, рассказывая друзьям о практике в соцзащите, где ветеранам разносили пестрые поздравления с праздником, покосился на нее, как бы причисляя к поздравленным.

Незаметно, она подошла к возрасту, когда ворчание и брюзжание стали единственной реакцией на любые внешние раздражители. Мало изученное, это явление обычно связывают с изменениями в старческом мозгу, с необратимыми последствиями разрыва нейронных связей, словно пытаясь закрыть этот вопрос навсегда, окрестив неприятным медицинским термином.

Но, кажется, это не совсем так. Да, разум не молодеет, но, думается, бесконечное недовольство, – это подавленное желание благословить кого-то. Поделиться тяжким опытом, заслонить им молодых от опрометчивых шагов, защитить от проблем, к которым они, радостно и вприпрыжку, бегут по неизведанной дороге жизни.

Но, как же трудно усадить кого-то из них рядом с собой, хоть на минуту отвлечь их внимание от горящего экрана телефона. Как же трудно передать им свои знания, выглядящие в их глазах бесцветной скукой. Жизненный опыт так быстро обесценивается клокочущей новизной жизнью. Идеалы, кумиры, мораль... все меняется, как картинки в калейдоскопе, и каждая новая отменяет, обесценивает старую, отказывает ей в праве даже на воспоминание.

И все же, потребность поделиться накопленным опытом неистребима. Жадный взгляд настойчиво пытается найти кого-то, достойного быть преемником этих бесценных знаний. Одно время, на эту роль претендовала бухгалтер жилконторы Лена, приветливая девушка без мужа, легко и без проволочек пересчитавшая Марье Ивановне завышенную платежку. Но, после случая с шумом и кражей, образ ее померк. «И всякий вошедший в это проклятое место будет сам проклят навеки». Так теперь Марья Ивановна относилась ко всей системе ЖКХ и персональных различий уже не делала.

Кто знает, отчего, но теперь на роль преемника жизненного опыта Марьи Ивановны, а заодно и на роль ее защитника, стал претендовать Виктор Константинович Ковалев. И даже не претендовать, – он сходу утвердился на этом месте.

Идеалы становятся таковыми благодаря паре-тройке неуловимых качеств, додуманные в остальном воспаленной фантазией поклонников.

Но кроме пожилого человека, нуждающегося в защите и понимании, внутри Марьи Ивановны беспокойно шевельнулась, как казалось, навсегда задремавшая Женщина, и, приоткрыв сонный глаз, с интересом окинула взором Виктора Константиновича.

Марья Ивановна не помышляла о личной встрече с ним, но необходимость в коммуникации ощущала, как насущную потребность. Именно с этой потребностью она приходила к Пал-Палычу, не умея еще ясно сформулировать свое обращение, не осознавая еще до конца, с какой фразой обратиться.

Странно, что придирчивый взгляд Марьи Ивановны избрал себе в идолы именно эту мужскую особь.

Тем более удивительно, что Марья Ивановна часто пересекалась с персонажем, которому сам бог велел возбудить в ней подобные чувства. Это был ее сосед, бравый полковник в отставке, сохранивший боевую выправку и живший с ней на одной лестничной площадке.

Экземпляр подлинно редкий, учитывая неутешительное соотношение числа мужчин и женщин, он, как и Марья Ивановна, был одинок... но, в отличие от подавляющего числа дам, млеющих от мерцания офицерских погон и блеска начищенных сапог, Марья Ивановна не любила военных. Они казались ей бездушными солдафонами, недалекими, без чувства юмора и вообще, практически без человеческих качеств. Странное мнение, сложившееся не известно почему. Но теперь менять его было уже поздно. Тем более что с возрастом, военные пенсионеры и вправду, зачастую, приобретают те черты, за которые их недолюбливала Марья Ивановна. Впрочем, кто бы говорил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.